

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Ни марксистки, ни анархистки

«Женский вопрос» и социализм в 19-м столетии

Шруп Антье

Шруп Антье

Ни марксистки, ни анархистки

«Женский вопрос» и социализм в 19-м столетии

2011

Скопировано 06.06.2024 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=1144>

Перевод с немецкого: Ndejra. Также доступно на:

<https://www.nihilist.li/2013/08/08/ant-e-shrup-zhenskij-vopros-i-sotsializm-v-19-m-stoletii/> (*Weder Marxistinnen noch Anarchistinnen. Die «Frauenfrage» im Sozialismus im 19. Jahrhundert. Из: Begegnungen feindlicher Brüder. Zum Verhältnis von Anarchismus und Marxismus in der Geschichte der sozialistischen Bewegung. Philippe Kellermann (Hg.), Unrast, 2011*)

ru.anarchistlibraries.net

2011

Оглавление

Ни марксистки, ни анархистки	5
Социализм и отношения полов в начинаяющемся промышленном капитализме	10
Прудон и восхождение анти-феминизма	13
Споры по «женскому вопросу» в Первом Интернационале	16
Равенство полов в Бакунинском «Альянсе»	21
Спор об отмене наследственного права	26
От Парижской коммуны к распуску Интернационала	28
Феминизм и социализм – предварительные выводы	31
Ссылки:	33
Литература:	36

Прудон, Пьер.Жозеф (1930): *Порнократия, или женщины в настоящее время.*

Rendall, Jane (1985): *The Origins of Modern Feminism: Women in Britain, France and the US 1780-1860.*

Schrupp, Antje (1999): *Nicht Marxistin und auch nicht Anarchistin.*

Schrupp, Antje (2009): *Brauchen wir «große Frauen»? Vom Sinn und Unsinn historischer Frauenforschung. In Schrupp «Was wäre wenn? Über das Begehr und die Bedingungen weiblicher Freiheit.*

Taylor, Barbara (1950): *Eve and the new Jerusalem. Socialism and feminism in the 19th Century.*

Thomas, Edith (1948): *Les Femmes de 1848.*

Thomas, Edith (1963): *Les Petrolueses.*

Чернышевский, Николай (1963): *Что делать?*

Цеткин, Клара (1928): *Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии.*

Литература:

Andreas, Bert/Molnar, Miklos (1964): Proces-Verbeaux de la Section de Geneve. In Jaques Fremond. Etudes et documents sur la premiere Internationale en Suisse.

Бакунин, Михаил (1872): К испанским братьям Альянса. В «Государственность и анархия».

Dejacque, Joseph (1980): Brief an P.J. Proudhon. In Dejacque. «Utopie der Barrikaden».

Eckhardt, Wolfgang (2000): Einleitung. In Michael Bakunin. «Die revolutionäre Frage. Föderalismus-Sozialismus-Antitheologismus.

Freymond, Jacques (1962): La Premiere Internationale. Recueil et documents. Bd. I.

Goldstein, Leslie (1982): Early Feminist Themes in the French Utopian Socialism: The St. Simonians and Fourier. In «Journal of the History of Ideas».

Grimmet, Jennifer/Thomis, Malcom (1982): Women in Protest 1800-1850.

Grubitsch, Helga/Lagpacan, Loretta (1980): Freiheit für die Frauen, Freiheit für das Volk. Sozialistische Frauen in Frankreich 1830-1848.

Harrison, J.F.C. (1968): Robert Owen and the Owenists in Britain and America. The Quest for the New Moral World.

Jaeckel, Reinhold (1904): Die Stellung des Sozialismus zur Frauenfrage im 19. Jahrhundert.

Kleinau, Elke (1987): Die freie Frau. Soziale Utopien des frühen 19. Jahrhunderts.

Кропоткин, Пётр (1913): Анархизм.

Lohschelder, Silke (2000): Anarchafeminismus. Auf den Spuren einer Utopie.

Malon, Benoit (1872): Expose des ecoles socialistes francaises.

Proudhon, Pierre-Joseph (1858): De la Justice dans la revolution et dans l'ehlise. Bd. III.

Ни марксистки, ни анархистки

Отношение женского движения к социал-революционным дебатам рабочего движения или «левых» в целом (в которых по сей день отчётливо преобладают мужчины) сложно и отмечено многочисленными переломами. Это касается и самого исторического развития, т.к. феминистки и социалисты периодически выступали с отчасти сходным, отчасти раздельным, отчасти противоположных позиций. Но ещё больше это касается исторического анализа: в трудах по истории социализма женское движение практически не играет никакой роли, в исторических феминистских исследованиях то же касается рабочего движения — конечно, за некоторыми исключениями. (1)

Введённые политологией различия между социалистическими течениями, к примеру, категории «марксизм» и «анархизм», не годятся для того, чтобы описать и исследовать отношения между феминизмом и социализмом. Собственно, эти различия проходят по иным конфликтным линиям. Весьма спорна — и в контексте этой книги особенно интересна — например, общая линия традиции, в которую обычно стравиваются Прудон и Бакунин под общим термином «анархизм». Ибо если принять различия между полами за политически существенную категорию, противоречия едва ли могли бы быть большими: Прудон был известным анти-феминистом, в то время как Бакунин был одним из основателей организаций, решительно выступавших за равенство как раз в отношениях между мужчинами и женщинами. Прудон и Бакунин, но более того, их соратники представляют в этом вопросе две современных друг другу крайних позиций, в то время как Маркс и его приверженцы занимали по этому вопросу серединную позицию.

Такие противоречия не дают смягчить себя указанием на то, что «женский вопрос» был всего лишь маргинальной темой. Это не соответствует ни объективной важности во-

9. И в этом они, разумеется, противоречили буржуазным феминисткам, которые в то время высоко ценили свободный доступ женщин к рынку труда и поэтому отвергали особые законы «для защиты» женщин.

10. Сам Прудон в этих событиях не участвовал, он умер в январе 1865-го года.

11. Андрэ Лео написала целый ряд романов с эмансипированными женскими образами. Её главный теоретический труд *«La femme et les moeurs. Monarchie ou Liberte»* был опубликован в 1869-м году. Подробное описание деятельности в МАТ — в Schrapp (1999).

12. Список имён у Andreas/Molnar (1964) содержит шесть однозначно женских имён и 54 однозначно мужских, у остальных 24-х однозначно установить пол невозможно.

13. Поэтому неверно то, что Клара Цеткин писала в «Очерке истории возникновения женского пролетарского движения»: «В то время как Бакунин сам был честным революционером, эта 'революционная' программа (Альянса) могла привлечь лишь взбесившихся мещан. Попутчики Бакунина набирались, в первую очередь, из тех романских секций Интернационала, из которых доносились хвалебные гимны деятельности женщины в клетке мелкобуржуазной семейной идиллии» (1928). Цитата отчётливо показывает насколько уравнение прудонизма и анархизма, во время Цеткин распространившееся повсеместно, вредило имиджу анархизма среди феминистских социалисток.

14. Подробное описание этого конфликта см. в Schrapp (1999).

15. Об этом конфликте см. также Schrapp (1999).

16. Подробно описано у Thomas (1963).

17. О Дмитриефф подробно у Schrapp (1999).

мнению, это не было исторически-теоретическим анализом, но служило, в первую очередь, тому, чтобы убедить испанских социалистов в том, что теперь не прудонисты, а марксисты являются главным противником.

3. Так, анархист Жозеф Дежак писал в 1857-м году Прудону: «Вы, в чьих жилах бьётся мощный пульс во имя всего, что связано с работой руки и желудка, касательно работы сердца и чувства ведёте себя не менее пылко, но только с весьма и весьма реакционной глупостью. 4. Ваша столь могучая и непреклонная логика в вопросах промышленного производства и потребления в вопросах морального производства и потребления превращается в слабый и гибкий стебель камыши. Ваш ум, мужественный и совершенно актуальный относительно мужчины, становится будто кастрированным, как только речь заходит о женщине».

4. См. Goldstein (1982), Grimmet/Thomis (1982), Grubitsch/Lagracan (1980), Harrison (1968), Kleinaus (1987), Rendall (1985), Taylor (1950).

5. См. в особенности Thomas (1948).

6. Цитируется по «Порнократии» Прудона. Изначально — в «Что такое собственность?».

7. Третий том «De la Justice» почти полностью посвящён браку и отношениям между полами. 9. Там Прудон пишет, что у женщины выбор есть только один: стать либо проституткой, либо домохозяйкой — формула ставшая крылатой фразой в прудонистской полемике против движения за женскую эмансипацию. Прудон хочет доказать «физическую, умственную и моральную неполноценность женщины». Он также пишет: «Женщина есть уменьшенная форма мужчины», при этом он указывает даже процентное отношение: как в физическом, так и в умственном и моральном плане женщина достигает лишь двух третей мужчины.

8. В целом по конгрессам см. Schrapp (1999).

проса, т.к. отношения между полами играли центральную роль в распространении промышленного капитализма и, соответственно, были одним из значительных вопросов, о которых велись споры в рабочем движении 19-го века. Но это также не касается и субъективного восприятия тогдашних протагонистов: если посмотреть на участвующие личности, то между «бакунистами» и «прудонистами» обнаруживается глубокая неприязнь. Конкретно говоря: Бакунины и его соратники в своё время имели куда меньше проблем с марксистами, чем с прудонистами. С исторической точки зрения, не было никаких связующих линий, но зато существовала открытая вражда между прудонистскими «мутюэлистами» и «коллективистами» (и «коллективистками»), как в общем называли приверженцев Бакунина.

Утверждаемая позже идейная близость, которая вылилась в общее обозначение «анархизм», является всего лишь исторической проекцией в прошлое. Своё начало она берёт в анализе Петра Кропоткина (1913) и некритично воспроизводится до сих пор. (2)

Кропоткин в начале 20-го столетия пытался позиционировать анархизм как «научную» теорию и заявил претензию на Прудона для этой традиции. При этом он руководствовался не столько историческим интересом, сколько желанием улучшить «имидж» анархизма, который в то время из-за бомбометательства и покушений имел образ, скорее, бессмысленного терроризма, чем достойной обсуждения политической теории. Во время Кропоткина прудонизма как политического течения больше не существовало, воспоминания о спорах между прудонизмом и коллективизмом сорокалетней давности поблёкли. Да и между тем на сцене в роли главных врагов анархистских движений появились марксизм и социал-демократия. И именно тут можно обнаружить главное сходство между

Прудоном и Бакуниным: Маркс критиковал их боролся с ними обоими.

Споры, которые вели друг с другом в 19-м веке различные течения рабочего движения — таков тезис этой статьи — нельзя достойно описать противопоставлением «марксизма» и «анархизма». Понимание разницы между полами как важной политической темы требует большего, чем замалчивания женоненавистничества Прудона или его оправдания как продукта того времени. Женоненавистничество Прудона было центральной частью его политической мысли и не может быть «вынесено за скобки». Оно уж точно не было продуктом эпохи, но необыкновенно радикальным, и было для многих людей причиной, чтобы дистанцироваться от Прудона. (3)

Касательно отношений между женским и рабочим движением можно грубо выделить три фазы:

- «ранее-социалистическая», длившаяся примерно с 1790 по 1850 гг., в которую отношения между полами были центральной частью большинства революционных движений. В эту эпоху было создано множество предложений и теорий по переустройству общества, но при этом всегда играли роль социальный вопрос и вопрос освобождения женщин.
- «кризисная фаза», длившаяся примерно с 1850 по 1880 гг., в которой отношения между феминизмом и социализмом, где доминировали мужчины, претерпевали изменения. В этой фазе возникла и первая Международная ассоциация трудящихся (1864-1872), которая, в конце концов, распалась из-за конфликта между Карлом Марксом и Михаилом Бакуниным,
- и, наконец, «идеологическая» фаза, в которой женское и рабочее движения, по большей части, шли раз-

просам вдруг обнаруживаются сходства. К примеру, они схожи в очень резком отказе от совместной работы с «буржуазными», республиканскими силами. Бросается в глаза, что женщины тут зачастую принимали другую позицию и в тенденции выступали за поиск союзников и вне рабочего движения. То же касается и представления, что социал-революционные изменения неизбежно произойдут в насильственных переворотах, которое тоже можно найти как у Маркса, так и у Бакунина. И тут, кажется, что феминистские социалистки предпочитали, скорее, поиск ненасильственных форм действия.

Это лишь два примера, которые должны были показать, что исторический взгляд, принимающий различия между полами как важный аналитический критерий, не может просто интегрировать женщин в уже устоявшиеся исторические исследования задним числом, как это пытаются сделать многие новые книги тем, что они присовокупляют исследованию «главу о женщинах». Такая смена перспективы, напротив, делает необходимым переосмыслить всё заново и оставить позади устоявшиеся категории и интерпретационные схемы. Тогда будет написана заново не только «история женщин», но и «история мужчин» — на пользу всем.

Ссылки:

1. Я анализировала это в контексте женских исследований в Schrapp (2009).
2. К сожалению, и феминистскими историками тоже, к примеру Lohschilder (2000). Бакунин, конечно, ещё в 1872-м, в письме к «Испанским братьям Альянса», проводил параллели между своими теориями и теориями Прудона. Но, по моему

стремившиеся к равенству полов посредством упразднения дискриминирующих условий, среди прочего — наследственного права (под воздействием российских теорий равенства, затем и среди французских анти-прудонисток). В-третьих, где женщины как промышленные работницы должны были участвовать в «мужских» трудовых конфликтах (прежде всего в Англии, затем — влиятельная позиция как «марксистский» вариант социалистического феминизма). И, в конце концов, в четвёртых, «уже эмансипированные женщины», считавшие, что после социалистической революции эта тема отпадёт сама по себе (прежде всего молодые женщины, вышедшие из российских дискуссий).

Среди мужчин спектр был не менее широк. Он простирался от экстремальной позиции консервативного и зачастую даже патриархального прудонизма (прежде всего во Франции) до полнейшего полового эгалитаризма (среди участников Альянса). Последнюю группу тоже можно ещё раз разделить на тех, кто только на словах поддерживал это эгалитаристское требование как теоретическую позицию, не особенно интересуясь ей в действительности (в особенности Бакунин, но и другие русские), и тех, кто отводил первенство политическому переустройству в этом направлении (в особенности, французские участники и участницы Альянса). Были и те, кто рассматривал «женский вопрос», прежде всего, в контексте возможной классовой борьбы (в особенности в Англии), причём женщины рассматривались либо преимущественно как потенциальные союзницы, либо как потенциальные конкурентки. И, наконец, были и те, кто считал женский вопрос неважным и использовал его в соответствии с «настоящими» целями (пункт, в котором лично между Марксом и Бакуниным обнаруживалось большое сходство).

Если принять эту перспективу, то становится видно, что как раз между Марксом и Бакуниным и по другим во-

дельными путями и воспринимались как различные проекты.

В этой статье мне хочется заново представить идейно-исторические взаимные влияния феминистских и социалистических тем, причём касательно дебатов в Первом Интернационале, приведших в конце к разделению рабочего движения на «марксистское» и «анархистское» течения.

Социализм и отношения полов в начинающемся промышленном капитализме

Важной социальной темой в Европе 19-го века был вопрос, как перед лицом нарастающей индустриализации и устанавливающегося капитализма можно упорядочить трудовые процессы. Т.к. эти изменения — например, с возникающим пространственным разделением между местами жительства и работы — оказывали непосредственное воздействие и на организацию семейных отношений, неудивительно, что при этом отношения между полами были центральной темой.

Иначе, чем в буржуазных слоях, в семьях рабочих не возникало вопроса о «бездейственной», неработающей женщине. То, что пролетарские женщины должны были работать, вопросом не было. Причём не только касательно домашнего труда и заботы о близких, которая должна была, большей частью, обходиться без приборов и играла в форме самообеспечения (одежда, пища, уход) куда большую роль в благополучии семьи, чем сегодня. Но и касательно «заработка», в смысле добычи денег: во-первых, почти треть женщин были не замужем и, таким образом, вынуждены были зарабатывать сами. А во-вторых, боль-

Феминизм и социализм — предварительные выводы

При рассмотрении этих конфликтов и дебатов в первые годы в сравнении с тем, что позднее вошло в учебники истории как противоречия между марксизмом и анархизмом, становится видно, что разделение на несколько или, вообще, на два различных течения и фракции — собственно, на марксизм и анархизм — не имеет смысла. Два современных друг другу главных течения анархизма, прудонизм и коллективизм, не только почти не имели общего, но были практически противоположны друг другу. Возникающая посредством такой интерпретации доминантность отдельных личностей, т.е. Бакунина, Прудона и Маркса, не соответствует сложности событий, т.к. в действительности зачастую совсем другие личности былидвигающими силами тенденций.

Разделение на «феминизм» и «анти-феминизм» тоже не может быть чётко проведено, т.к., помимо экстремальной позиции прудонистов, границы между позициями размыты и возникают многочисленные смычки. Так, в феминистско-социалистическом лагере можно выделить четыре течения: различающихся друг от друга по существенным вопросам: во-первых, позиции, находящиеся под влиянием раннего социализма, требующие, исходя из отличий женщины, большего влияния для женщин в политической и экономической сферах общества (по большей части во Франции). Во-вторых, эгалитарные феминистки,

тоже не смог в действительности стать международной головной организацией рабочего движения.

шинство женатых пролетарских женщин помогали семье посредством собственных заработка.

Т.е. вопрос, о котором тогда шла речь, заключался не в том, должны ли женщины работать, а как и на каких условиях, и какое влияние это должно оказывать на семейную жизнь, в особенности на заботу о детях. Конкретно это выглядело совершенно по-разному. В регионах, где была развита текстильная промышленность, это сначала были женщины, а не мужчины, которым приходилось работать вне дома, на фабриках, и которые отчасти компенсировали отсутствие заработка у мужчин. В регионах, где доминировала горнодобывающая промышленность, был, в первую очередь, затребован женский репродукционный труд, начиная от приготовления пищи для занимающихся тяжёлым трудом мужчин — до кропотливой стирки одежды. В целом, женщины преобладали и на неформальном рынке труда, т.к. они находили разнообразные возможности дополнительного заработка: пошив на дому, сдача комнат с приготовлением еды и стиркой для одиноких рабочих, продажа обедов перед фабричными воротами и т.п.

Фундаментальным различием между трудовыми биографиями женщин и мужчин является и женская гибкость касательно различных жизненных ситуаций. В то время как мужчины зачастую выбирали определённую профессию ещё в юном возрасте, женщины меняли меняли своё окружение в соответствии с социальной обстановкой: перед выходом замуж они работали служанками или на фабрике, после выхода замуж они концентрировались на обеспечении детей и дома и дополняли это неформальным дополнительным заработком, в то время как они после смерти партнёра, возможно, продолжали его ремесло. Кроме того, когда они меняли партнёра, что в пролетарских кругах случалось куда чаще, чем в буржуазных, менялась

и их профессиональная ситуация — соответственно с профессией партнёра.

Почти все ранние социалистические движения искали ответы на эти сложные изменения, которые касались не только условий заработка, но и весьма конкретно ставили под вопрос устаревшие семенные и общественные структуры. При этом ранее-социалистическая критика брака и семьи часто дополнялась развитием новых моделей совместной жизни — например, основанием коммун или кооперативов. Сходным образом, хотя и различаясь в конкретике, последовательницы и последователи Клода-Анри де Сен-Симона, Шарля Фурье или Роберта Оуэна или даже хартизма искали новые формы политической и социальной жизни, при которых воспитание детей, работы по производству и воспроизводству регулировались иначе, чем в возникающей буржуазно-капиталистической модели, а это всегда сопровождалось критикой буржуазной модели семьи и отношений между полами. В это время существовали многочисленные связи между представительницами и представителями таких ранее-социалистических идей и буржуазными феминистками, которые, исходя от критики исключения женщин из демократических политических институтов, приходили к подобным фундаментальным идеям социального переустройства. (4)

Своего апогея, а с поражением одновременно и конца, движение достигло в связи с революциями 1848-го года. Тогда феминистки вроде Евгении Нибое, Жанны Деруа, Паулины Ролен или Дезире Вере выдвигали многочисленные и чёткие требования общего избирательного права и доступа ко всем политическим институтам. Одновременно с этим они участвовали в проектах по переустройству трудовых отношений, в производственных кооперативах и товариществах. (5)

которое привело к созданию самостоятельной российской секции МАТ. По поручению этой группы она затем отправилась в Лондон, чтобы учиться у обожаемого ею «западного мыслителя» Маркса. Ему она пообещала сбрать на Бакунина компромат. (17) Когда была провозглашена коммуна, она тут же выехала в Париж и организовала там «Union des Femmes», к удивлению и досаде старших и более опытных феминисток.

Из-за недолгой продолжительности событий — Парижская коммуна существовала всего девять недель — эти разногласия никогда по-настоящему не обсуждались. После кровавого разгрома коммуны в конце мая силы большинства активисток и активистов объединились для помощи беженцам. Интернационал как общая организация быстро раскололась и потеряла значение: в сентябре 1871-го года Маркс организовал в Лондоне небольшую конференцию, к которой не было допущено большинство коллективистских делегатов, и которая постановила значительное расширение полномочий генерального совета. Постановления не были признаны большинством романских секций. В принципе, это означало конец Интернационала как общей организации, в действительности объединявшей весь спектр социал-революционных сил. В конце концов, на конгрессе в Гааге в 1872-м году Маркс и Энгельс, при помощи отчасти фиктивных мандатов организовали большинство в пользу своей позиции, Бакунин и другие коллективисты были исключены из Интернационала. Поскольку Маркс опасался, что беженцы коммуны получат слишком большое влияние в генеральном совете в Лондоне, совет был перенесён в Нью Йорк, где МАТ официально существовала до 1876-го года, но была уже совершенно незначительной. «Антиавторитарный» Интернационал, организованный коллективистами и коллективистками из Швейцарии,

От Парижской коммуны к распуску Интернационала

Чрезвычайно важная роль, которую играли в Парижской коммуне женщины, может быть описана здесь лишь вскратце. (16) В те недели женщины присутствовали и участвовали во всех областях, как в политических собраниях, так и в кооперативах, которые восстанавливали производство после бегства большинства буржуазных сил. И хотя их снова исключили из политических должностей, коммуна как целое была бы вообще немыслима без участия женщин. Присутствие женщин показывает, что несмотря на тёмные «прудонистские годы» во Франции ещё осталось достаточно феминистских, ранее-социалистических сил. Многие старые активистки снова стали влиятельны. Андрэ Лео была одной из ведущих интеллектуалок коммуны. Также молодая Луиза Мишель, ставшая позже иконой анархизма, приобретала в дебатах со старшими феминистками ценный опыт.

Но коммуна также показывает, чтобы было бы неверным просто причислять феминистских социалисток к коллектиivistскому течению рабочего движения. Ибо одна из самых значительных организаторш работниц в коммуне, Элизабет Дмитриефф с её «Union de Femmes», была доверенным лицом Карла Маркса и отправилась в Париж по его поручению. За два года до того, совсем юной женщины в возрасте 20 лет она отправилась из России в Женеву и присоединилась там к «антибакунинскому» восстанию,

Прудон и восхождение анти-феминизма

После подавления революции во Франции и Германии и с началом репрессивного политического климата внутри рабочего движения, в основном под влиянием теорий Пьера-Жозефа Прудона, произошла смена стратегии. Под его влиянием обширные части рабочего движения (прежде всего, но не только) во Франции стали радикально враждебны к женщинам. Прудон писал ещё в 1840-м году в своём труде «Что такое собственность?»: «Различия между полами создают между ними разделение той же природы, что и различия между расами животных. Поэтому я очень далёк от того, чтобы быть приверженцем того, что сегодня зовётся женской эмансипацией, я, скорее, был бы за то, если уж на то пошло, чтобы посадить женщину под замок». (6)

Прудон считал, что общественные проблемы, возникающие из распространения промышленного капитализма, должны были решаться, с одной стороны, свободной, государственно неконтролируемой кооперацией между мужчинами, а с другой, обязательством женщин к внутрисемейным услугам для их мужей. Оба аспекта для него были неразрывно друг с другом связаны. Уже то, что Прудон посвятил этому целую книгу, собственно, третий том «De la Justice», показывает, что тема была для него отнюдь не маргинальной. (7)

В пролетарских кругах Прудон с его ненавистью к эмансипированным женщинам, которая в своей радикальности уже тогда воспринималась как дикая, по началу был относительно одинок. Лишь в буржуазном лагере такие теоретики как Жюль Мишеле или Огюст Конт уже давно развивали теории о чётком иерархическом порядке в отношениях между женщинами и мужчинами. Но они зачастую связывали свои ролевые предписания с похвалами «естественной» женственности, чьи предназначением были материенство и любовная забота о целостности семьи. С 1850-х годов это представление о дуализме полов всё больше распространялось и в пролетарских кругах. Помимо общего репрессивного политического положения, при котором фундаментальные общественные изменения казались утопическими, некоторое стремление со стороны рабочих к «обуржуазиванию» тоже играло свою роль: «неработающая» жена постепенно становилась статусным символом, который мог обозначить социальный подъём пролетарских семей (и оставался им до 1960-х годов).

Но Прудон характеризовал женщин не просто как «иных», но именно как неполноценных, причём как в физическом, интеллектуальном, так и в моральном плане. Помимо его оголтелой полемики, основным его аргументом является, что природа создала «человека» в виде пары из мужчины и женщины с ясным иерархическим распределением, и что поэтому невозможно создать основывающуюся на индивидуальности правовую систему. В определённом смысле, Прудон мог при этом опираться на ранне-социалистические традиции, которые усматривали в «Mere de famille» точку пролетарского сопротивления против распространения капиталистических и государственно-правовых принципов на всё широкие сферы жизни: по крайней мере, женщина и определяемая ею семейная жизнь должны были оставаться свободными

между полами, не только потому, что в этом усматривалось средство для «упразднения авторитета отца, его псевдоцарской власти в семье». Так это сформулировал участник Альянса Поль Робен в своём отчёте, который он написал для планировавшегося в 1970-м году конгресса МАТ. Вместо того, чтобы передаваться по наследству внутри семьи, богатства, накопленные людьми в течение жизни, должны были влияться в хорошее, доступное для всех детей школьное и профессиональное образование.

Пред лицом этого ясной и хорошо задокументированной связи между «половым вопросом» и «правом наследования» становится заметно, что на базельском конгрессе отношения между полами не были темой ни для одной из сторон. К тому же, «женский вопрос» играл столь важную роль в предыдущие два года. Возможно, Бакунин, лично присутствовавший в Базеле, хотел немного смягчить радикальность своей позиции, чтобы не отпугнуть тех делегатов, которые придерживались более консервативных представлений о женщинах. С другой стороны, англичане тоже избегали этой темы (сам Маркс в конгрессе не участвовал). Компромисса в Базеле не нашли. Хотя заявка Бакунина и была поддержана большинством (32 за, 23 против и 13 воздержались), подавляющего большинства не сложилось. Предложение же генерального совета было отвергнуто.

К сожалению, темой больше не занимались, т.к. базельский конгресс был последним действительно интернациональным конгрессом. После того как следующий конгресс в 1870-м был отменён из-за немецко-французской войны, лондонский генеральный совет, начиная с подготовки к лондонскому конгрессу, всё более концентрировался на борьбе лично против Бакунина и его соратников, что сделало обсуждение принципиальных вопросов в МАТ невозможным.

Спор об отмене наследственного права

Французские и романско-швейцарские участники Альянса сделали из этого «теоретического» русского эгалитаризма актуальное политическое требование и использовали его, чтобы противопоставить что-то прудонизму в своих странах. Особенно значительной фигурой при этом была Виргиния Барбе, одна из основательниц секции Альянса в Лионе. Она была и значительным теоретиком, что касается разработки тех требований Альянса, которые находились в центре внимания на базельском конгрессе в 1869-м году: упразднения наследственного права.

Это требование столкнулось в Базеле с английской, определяемой Марксом, позицией, согласно которой не наследственное право, а, прежде всего, частная собственность на средства производства должна быть главным пунктом антикапиталистической критики. Ожесточённый спор по этой теме отметил первое, действительно содержательное противоречие между «марксизмом» и «анархизмом», если угодно — даже если такая терминология для тогдашнего времени не является подходящей, т.к. обозначение «анархизм» для социал-революционного движения не существовало, а Маркс, с другой стороны, ещё не был настолько важным, чтобы стоять в центре своего собственного «изма».

Критика наследственного права, очевидно, опирается на эгалитарное представление Альянса об отношениях

от этих буржуазных нападок. Но Прудон переворачивает эту мысль строго «анти-феминистским» образом (в тогдашнем значении слова, собственно, «против женщин»), когда он говорит, что женщины естественным образом зависят от мужчины, и что это приведёт к закату цивилизации, если признать их субъектами права.

Конечно, это не осталось без ответа с феминистской стороны. Ещё в 1849-м году сен-симонистка Жанна Деруа вела первые открытые дебаты с Прудоном в журнале «Opinion des femmes». В 1858-м был издан много обсуждавшийся памфлет Жюльетты Ламбер-Адам «Idees antiproudhoniennes sur l'amour, les femmes et le mariage», два года спустя — двухтомный сборник Дженни Д'эрикур под названием «La femme affranchie», опровергавший взгляды Прудона.

Но и среди мужчин-социалистов прудонизм оставался спорным. Старые ранне-социалистические идеи, мыслившие улучшение положения пролетарских классов нераздельно от переорганизации семейных отношений, были всё ещё живы и действенны, но не могли найти выражения в репрессивных политических условиях Франции 1850-х и 1860-х годов. Во Франции тогда существовал «запрет на коалиции», т.е. было запрещено организовывать объединения в политических целях. Разрешены были лишь небольшие товарищеские объединения взаимопомощи, которые воздерживались от какой-либо критики режима. Они были в своём большинстве преудонистскими, т.е. polemизировали против женского движения, выступали за строгий запрет всяческой женской работы и видели единственно легитимное место женщины в её функции жены и матери.

Споры по «женскому вопросу» в Первом Интернационале

Конфликт по вопросу, какие общественные позиции следует занимать женщинам, оказывал существенное влияние на начальный период Первой международной ассоциации трудящихся. МАТ родилась в Лондоне в 1864-м году по инициативе французских и английских представителей рабочих. В Англии, бывшей уже тогда более индустриализированной, чем остальная Европа, ситуация с женским трудом была совершенно иная, чем во Франции. В Великобритании рабочее движение не было маргинальным и не терпелось властью в небольших аполитических дискуссионных кружках, но существовали крупные профсоюзы, численность членов которых стремительно выросла после экономического кризиса и связанных с ним забастовок в конце 1850-х. Т.к. большинство промышленных рабочих в Англии были организованы в профсоюзах, само собой, среди членов Первого интернационала, к которому коллективно примкнули многие профсоюзы были и женщины. Требуемый прудонистами принципиальный запрет женского труда никогда не поддерживался английским рабочим движением.

Позиция Интернационала касательно женского труда была одной из центральных тем на первых конгрессах МАТ, в 1866-м в Женеве и в 1867-м в Лозанне, о которой

шественниц нового мира. На Западе русские студентки были известны своим «мужским» поведением.

Этот фон, а не феминистские позиции Бакунина (принадлежавшего к более старшему поколению), был ответственен за эгалитарную программу Альянса. Бакунин и сам использовал «женский вопрос», подобно Марксу. Соответствующий вербальный радикализм позволял ему дистанцироваться от «мелкобуржуазных» элементов, но в некоторых случаях он тоже не чурался вносить враждебные по отношению к женщинам предложения. Например, он не хотел допускать женщин в центральный комитет Альянса, но не потому, что он был принципиально против женщин, но потому, что опасался, что таким образом соратницы Николая Утина, с которым он рассорился, получат вес в Альянсе. (15)

зицию Маркс считал просто глупой, т.к. он видел, что капитализм давно достиг того уровня, на котором уже было нельзя исключить женщин из наёмного труда. Маркс считал само собой разумеющимся включение женщин в рабочее движение — но в отношениях полов он не усматривал отдельной темы. Он также не имел ничего против участия женщин в работе секций, но не был особенно заинтересован в дискуссиях с ними. В своей полемике против Альянса постоянно проскальзывало, что он не совсем серьёзно относился к нему именно из-за высокой доли женщин в Альянсе.

Для Бакунина, кстати, вопрос отношений между полами тоже не был чрезвычайно важен. Радикальная программа равенства «Братства» и Альянса объясняется скорее русским происхождением многих членов-основателей. В тогдашней России отношения между полами обсуждались совсем иначе, чем во Франции или в Англии. Промышленный пролетариат в России отсутствовал, равно как и солидная прослойка среднего класса. Российское общество всё ещё находилось под сильным влиянием аристократии, т.е. «буржуазных» половых ролей ещё не было. Почти все русские революционеры, эмигрировавшие в Западную Европу, были аристократического происхождения. Их феминизм развивался под воздействием книги, которая была тогда очень популярна — собственно, «Что делать?» Николая Чернышевского (1863 г.). Это, в своём роде, политический манифест в повествовательной форме, ставящий от лица российской молодёжи политические вопросы. Для неё же, как и для многих россиянок, феминистские требования были неважны, они просто отрицали всяческое значение различий между полами тем, что они не допускали в личном поведении и в своих группах никаких различий между женщинами и мужчинами. Себя они воспринимали не в роли угнетённых, а в роли привилегированных пред-

велись споры. Основанием дебатов был отчёт генерального совета МАТ, штаб которого находился в Лондоне и управлявшегося Карлом Марксом. Маркс, живший тогда в изгнании, сам в основании МАТ не участвовал, но его попросили написать «приветствие» и сотрудничать в генеральном совете, который управлял делами МАТ между планировавшимися как ежегодные конгрессами. Он с удовольствием воспользовался возможностью идейно повлиять на только что возникшую общую организацию рабочего движения.

В первом крупном конгрессе Интернационала в Женеве приняли участие шестьдесят делегатов — семнадцать из Франции, семеро из Англии, трое из Германии, а остальные — из приглашавшей Швейцарии. Основанием для дебатов им послужил подробный отчёт о положении трудящихся, предоставленный генеральным советом, и чья позиция, в сущности, представляла английские профсоюзы и опиралась на марксову теорию капитализма. В отчёте, прежде всего, требуется восьмичасовой рабочий день, между полами не делается никаких принципиальных различий. Единственным исключением является требование, «строго исключить женщин изо всяких ночных и постыдных работ и из работ, где их тела подвергались бы влиянию ядов и других вредных веществ». (8)

Маркс и английские профсоюзники видели в феномене женского труда логическое следствие индустриализации, которое нужно было не ставить принципиально под вопрос, а изменить согласно собственным интересам. Основной интерес профсоюзов заключался в том, чтобы снизить конкуренцию на рынке труда между мужчинами и женщинами на сколько это возможно. (9) Тем самым, они находились в прямом конфликте с английскими феминистками, пытавшимися поддерживать проникновение женщин в типичные «мужские профессии» тем, что они

подбадривали работодателей брать на работу женщин, т.к. те, якобы, требуют меньших зарплат. Это значит, что и в Англии отношения между женским и рабочим движением были конфликтными, но конфликты происходили на совершенно ином уровне.

Кроме того, в генеральном совете в лице Хэрриет Лоу состояла и женщина, которая, однако, в женевской конференции участия не принимала. Английские делегаты, зачитавшие в Женеве позицию генерального совета, вполне осознавали, что со стороны французов следовало ожидать возражений. Прудонистские делегаты (10) по предводительством Анри Толена, действительно, внесли другое предложение резолюции и потребовали: «С физической, моральной и социальной точки зрения труд женщин и детей должен быть из принципа энергично отвергнут как одна из причин дегенерации человеческого рода» (цитируется по Freymond 1962). Но был и вотум меньшинства от делегатов Евгения Варлена и Антуана Бурдона, защищавших право женщин на собственный заработок. Они обосновывали это, прежде всего, тем, что женщины, в противном случае, полностью зависели бы от обеспечивающих их мужчин и жили бы за счёт подачек или проституции.

Все три предложения в Женеве были представлены на голосование. Отчёт генерального совета и резолюция прудонистов были приняты, резолюция же Валена и Бурдона отвергнута. Конгресс поручил комиссии представить тему к следующему году более подробно. На конгрессе в 1868-м году в Лозанне делегаты посвятили целый день теме женского труда, но снова не пришли к общей позиции. Сойтись они смогли лишь на том, что отвергли эмансипированную позицию меньшинства, стремившегося принципиально признать женский труд как индивидуальное право женщин.

Спустя лишь несколько месяцев после основания Альянса, Бакунин подал заявку в генеральный совет о вступлении в Интернационал — шаг, противоречиво воспринятый французскими членами Альянса. В особенности, Элизе Реклю, давний друг Бакунина и открытый анти-прудонист, друживший с такими феминистками как Д'Эрикур, Ламер и Евгенией Нибое, а также Виктор Жаклар, муж русской революционерки Анны Ковалевской, были поначалу против такого сотрудничества. Они всё ещё ассоциировали МАТ с прудонизмом, что делало Ассоциацию как союзника неприемлемой. Согласно их требованиям и против воли Бакунина, Альянс стал не обычной секцией Интернационала, а отдельным объединением, который должен был лишь неформально сотрудничать с МАТ. Генеральный совет резко отверг заявку на вступление на том основании, что не должно было возникать двойных структур. Лишь после этого Альянс стал простой секцией Интернационала. Как организация он служил объединению анти-прудонистского Интернационала, Бенуа Малон, спутник жизни феминистской писательницы Андрэ Лео, или Поль Робен, автор вотума меньшинства за женский труд на лозаннском конгрессе МАТ, вступили в Альянс. (13)

Маркс и Энгельс с самого начала полемизировали против Альянса и его «основателя секты» Бакунина. (14) Основной же конфликт заключался, помимо личной неприязни со стороны Маркса, не в «женском вопросе», а в вопросе о наследственном праве. В отличие от прудонистов или участников Альянса, для Маркса «женский вопрос» играл лишь второстепенную роль, он не придавал этой теме значения. Он придерживался мнения, что его критика капитализма в конечном итоге сделает феминистскую критику культуры никчёмной — что позднее вылилось в марксистское представление о женском вопросе как о «побочном противоречии». Прудонистскую анти-феминистскую по-

Ещё более отчётливо, чем в содействии отдельных женщин, радикально-феминистский аспект Альянса проявляется в его программе: уже во втором пункте объявляется, что Альянс стремится «к политическому, экономическому и социальному равенству классов и индивидов обоих полов». Позиция Альянса по отношениям полов является прямой противоположностью прудонизма, а собственно – попыткой упразднить возникшие исторически и обусловленные культурно различия между полами – к примеру, посредством образования для мальчиков и девочек для того, чтобы восстановить «естественное равенство индивидов».

Многие из членов-основателей Альянса принадлежали ранее к «Интернационалу братства», основанной Бакуниным в 1864-м в Италии тайной организации, которая занималась подготовкой революции. Её программа, так называемый «Революционный катехизис», содержала представление об утопическом обществе, состоявшем из индивидов, объединявшихся в свободные коллективы, и в котором упразднялись бы все неестественные источники неравенства, чтобы могли проявиться индивидуальные, возникающие из личной свободы различия. К этой традиции принадлежал и Альянс. Эта программа является не просто «феминистской», а представляет совершенно особый феминизм. Иначе, чем у буржуазных феминисток, речь идёт не о «правах женщины» (которые предоставляются ей несмотря на все её отличия), а об упразднении источников неравенства. В отличие от сен-симонисток, Альянс не намеревался делать различия между полами рычагом изменений, к примеру, равным распределением постов в учреждениях, что было обычным в сен-симонизме, но считал, что различия между мужчинами и женщинами после социальной революции потеряют своё значение.

Так что неудивительно, что МАТ в эти годы воспринималась как открыто анти-феминистская организация. Среди феминисток и крупных женских организаций во всех европейских странах право на профессиональный женский труд стояло на повестке дня, было даже важнее требований избирательного права, которое и в женском движении было весьма спорным. Именитые феминистки из-за этих постановлений открыто дистанцировались от Интернационала, к тому же французские секции выпустили собственную брошюру, которая широко разошлась, чтобы показать, что и международное рабочее движение поддерживает их анти-феминистские позиции.

Поэтому у МАТ в эти первые годы был негативный, враждебный к женщинам имидж, не только среди феминисток, но и среди многих французских социалистов и социалисток. Ещё в 1904-м году историк Райнхольд Йекель писал, что в этих постановлениях речь шла о «повороте к анти-феминизму», а не о простом выражении современного женского образа.

Прудонистский документ позже предоставил марксистским авторам возможность охарактеризовать противников Маркса в МАТ как мелкобуржуазных и анти-революционных. Редко в какой марксистской книге об Интернационале нет этого указания, однако, без действительно подробного рассмотрения конфликта. К тому же, он служит для нападок на анархизм в целом – несправедливых, как я покажу позже в этой статье. То, что и марксистская сторона на конгрессах отнюдь не вмешивалась в этот конфликт, часто замалчивается. Клара Цеткин, к примеру, писала в 1909-м году в газете «Равенство» о женевском конгрессе: «Представляемое их ведущими мыслителями представление общественных отношений отвергло сентиментально-напыщенное мелкобуржуазное стремление сделать лозунгом запрет

женского труда, борьбу с женским трудом». Цеткин замалчивает, что конгресс МАТ это «стремление» на самом деле не «отверг», а наоборот, принял подавляющим большинством.

Перемены всё-таки произошли, когда зимой 1867/68-го года прудонистское течение потеряло влияние во французском рабочем движении. В эти месяцы во Франции участились забастовки, поддерживавшиеся некоторыми французскими участниками МАТ, причём именно теми, которые выступали за женский труд. Бонапартистская полиция, до того времени оставлявшая дискуссионные кружки в покое, обратила внимание на МАТ и начала процессы против её участников. Прудонисты вокруг Толена большей частью вышли из политической работы: они отвергали забастовки как форму действия и не были готовы идти ради них на денежные штрафы или лишение свободы. Ведущие позиции были заняты другими, среди прочих, Варленом, Бурдоном и их политическими соратниками. Они посодействовали тому, чтобы МАТ во Франции вместе с её прудонистко-консервативным имиджем лишилась и враждебных по отношению к женщинам позиций. В Интернационал вступало всё больше женщин, к примеру, широко известная в то время феминистская мыслительница Андрэ Лео. (11)

Равенство полов в Бакунинском «Альянсе»

С этой новой ориентацией Интернационал стал привлекательным и для других социалистических групп, среди прочих и для основанного Бакуниным в Швейцарии «Альянса социалистической демократии». Он возник в 1868-м году как откол от «Лиги мира и свободы». Лига была международным объединением отчасти довольно известных буржуазных, социалистических и республиканских реформистов, выступавших за преодоление национализма и основание Европейского Союза. Бакунин активно участвовал в Лиге мира, но ему не удалось включить в её программу социальные требования. Поэтому он и ещё примерно двадцать человек покинули Лигу и основали «Альянс».

В Лиге женщины играл важную роль, на конгрессах они были достаточно многочисленны и часто выступали. В Альянсе также были женщины. Среди членов-основателей было, как минимум, шесть женщин: Алексеева, Антония Квятковская (жена Бакунина), Сюзанна Кросет, Дезире Верегай (бывшая сен-симонистка, ставшая известной ещё во время революции 1848-го года), Джени Гине и Розалия Сангуэнде. Более поздние списки членов упоминают Жанну Броссе, Виргинию Барбе как основательницу секции Альянса в Лионе, а также Дюваль. К числу сочувствующих принадлежали Анна Ковалевская-Жаклар (сестра математика Сони Ковалевской) и Адель Зиновьева-Жуковская. (12)